

Олег Шах
Думай об этом чаще

СБОРНИК СТИХОВ

Олег Шах

**Думай об этом чаще.
Сборник стихов**

«Издательские решения»

Шах О.

Думай об этом чаще. Сборник стихов / О. Шах — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930041-6

Приветствую вас, друзья! Давайте знакомиться! Я, поэт-современник Олег Шах, приглашаю вас к прочтению моего дебютного сборника философской лирики «Думай об этом чаще». Желаю вам приятного прочтения и с нетерпением жду отзывов на страницах соцсетей, таких, как «ВКонтакте», Instagram и Facebook, где меня, открытого для общения, легко найти под ником Олег Шах...

ISBN 978-5-44-930041-6

© Шах О.
© Издательские решения

Содержание

Где-то в голове	6
Черно белые ангелы	7
Кто такие оборотни?	8
Круть верть	9
Дождь	10
Огонь в печи	11
Бросить все	12
На небе	13
Мое счастье	14
Иголка	15
Между	16
Табачок	17
Смотрит старик в окно	18
Ничего нигде не жди!	19
К яру через луг	20
Я боюсь оставаться один	23
Полюби себя самого	24
Заблудился, как в тумане я	25
Тараканы	26
Выход	27
Большее видится на расстоянии	28
Восточный календарь	29
Просил юродивый ума	30
Я бросил	31
Старик в песочнице	32
У провинциального вокзала	33
По понятиям	35
Думай об этом чаще	36
Состояние души	37
Серый человек	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Думай об этом чаще Сборник стихов

Олег Шах

© Олег Шах, 2018

ISBN 978-5-4493-0041-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Где-то в голове

Где-то в голове на дальней полке,
В запыленном жизнью беспорядке,
Солнце на бутылочном осколке
С памятью моей играет в прятки.

Лезет на заборы по соседству,
Рвёт запретный плод поспевшей сливы,
И вкушает сладостное детство
Шкет, до дикой одури счастливый.

Ветер на уме, в глазах беспечность...
Время неподвижно и упрямо
И тогда казалось – будут вечно
Молоды отец его и мама,

Снежную зима и жарким лето,
И не разобьётся на осколки
Всё, что иногда от солнца света
Блещет в голове на дальней полке.

Черно белые ангелы

Белые ангелы с чёрными душами
Грязными лапами мир этот рушили,
Чёрные ангелы с душами белыми
Всё собирали и заново делали.

Белые ангелы чёрные внутренне
Знаково шли на молебен заутренний,
Чёрные ангелы в саже от тления
В сердце искали своё просветление.

С темными мыслями, скверной, не чистыми
Белые ангелы, зримо пушистыми,
Словно вороны кружили над чёрными,
В белое лишь изнутри облачёнными,

Речи с небес извергали блевотные,
Сыпали мел на инстинкты животные,
Быть оставаясь в веках обречёнными
Кипельно белыми с душами чёрными.

Кто такие оборотни?

– Кто такие оборотни, пап?
Как они себя от нас скрывают?
Сколько вместо рук имеют лап?
А они хорошими бывают?

Говорят, что когти, как клинок,
Бой невыносимо с ними труден...
– Вот что я скажу тебе, сынок,
Всех страшнее оборотней – люди.

Люди? Ну, да ладно, не смейся.
Знаю точно – быть того не может.
– Ты бы делать вывод не спешил,
Подрастешь и сделаешь, но позже.

То найдешь, что скрыто на виду
И однажды прямо через двери
Оборотни в жизнь твою войдут
В облике людей, которым верил.

– Пап, и всё? А дальше расскажи.
Из осины кол, я слышал, нужен?
– Кол, сынок, не годен против лжи.
Правды нет для оборотней хуже.

Слыша лишь её от всех подряд,
Нечисти слабеют понемногу
И когда на лжи своей горят,
Предавать, как водится, не могут.

– Так выходит можно их убить?
– Да, выходит можно, но не будем.
Нужно даже к ним добрее быть,
Мы же ведь не оборотни, люди...

Правда – наш заточенный клинок.
Сердце под ребром, не камень бьется...
Глазки закрывай и спи сынок.
Может и без них всё обойдётся.

Круть верть

Однажды случайно мне встретилась смерть,
Сказала, что все однозначно умрут.
Я ей возразил, мол, а если круть верть?
Она мне, смеясь: – Даже если верть круть...

Да ладно, – ей молвлю, – а как же душа,
Она ведь живёт и в загробной тиши?
Вдруг что-то сдавило и я, чуть дыша,
Всё понял... Шепчу ей: – Душить не спеши,

Ещё, дескать, рано, не пожил сполна,
Пытаясь подняться с земли и присесть,
– Так вот же – смеясь, вновь сказала она —
Лишь я, однозначно, у всякого есть.

Да, это бесспорно, но есть ведь и жизнь?
И в ней лишь одной мироздания суть
Вдруг что-то сдавило, а хочется жить...
Хоть круть верть, а хоть и всё тот же верть круть.

Дождь

Дождь стучит в окно вторые сутки,
Стал безбрежным уличный ручей.
Что-то с болью хрустнуло в рассудке,
Вламываясь в душу без ключей.

Стрелок ход в часах заклинил оси —
Починить никак не соберусь,
Да подъездной дверью пилит осень
Пьесу про тоску мою и грусть.

На лице черты как будто скисли,
О небес скучая синеве,
Словно в темноте блуждают мысли
По седой от жизни голове.

Тонет пустота в табачном дыме,
Да, уныние грех, но Бог простит —
Он ведь тоже, видя нас такими,
Где-то обязательно грустит,

В облаке седом морщины прячет,
Приласкать рукой своей хотя.
От того, наверное, и плачет,
Хмурясь серой тучей, как дитя,

Лить не прекращая ни минутки
Слёз, которых в мире нет горчей —
Вот тебе и дождь вторые сутки,
Вот и переполненный ручей.

Огонь в печи

Помню как трещал огонь в печи,
Пахли мёд, сметана и оладушки,
Сдобренные маком куличи —
Made in любовь и руки бабушки.

Как в углу намоленном свеча
Ярко озаряла лики божие,
И петух за окнами кричал,
Что счастливый день под небом проЖили.

А ещё довольно хорошо,
Словно букваря картинки пестрые,
Помню, что семья была большой,
И съезжалась с братьями да сёстрами

В честь рождения бабушкина дня,
Будто табор, с плясками и песнями,
Шумная до одури родня.
И казалось нет того чудеснее,

Чем матрасы по полу гуртом
Расстилать армейскими порядками,
И, накрывшись шубой, спать вальтом,
Обнимаясь с сестринскими пятками.

Утром кренделя и куличи
Маслом не спеша под чай намазывать,
И про то, как немец получил,
Деда заставляя себе рассказывать.

Правда дед не очень про войну,
Всё хитрил шутя о ней уклончиво...
Так мне говорил: – «Ну, слушай, внук.
Началась война, а дальше кончилась.

Так же быстро, как и куличи,
Блинчики, сметана и оладушки.»...
Помню как трещал огонь в печи
У ушедших дедушки и бабушки.

Бросить все

Бросить всё, да уехать в глухую деревню, что ль,
Чтоб с концами концы, ну, хоть как-то, ещё свести.
Развести тараканов, мышей, пауков и моль,
Геморрой и пупочную грыжу приобрести.

На доярке жениться, вкушать молоко и кровь,
Запах сена пьянящий и злобный навоза дух.
Ну, подумаешь, пахнет скотиной моя любовь,
За то, с дому уходит, как только кричит петух.

На околицу выйдешь, хмельные продрав глаза,
За сараем, где свиньи, копает червей сосед —
На рыбалку- кричит- пойдёшь? Ну, а че, я – за!
И до позднего вечера мой потеряют след.

Оттянулся с душой, на кашлял на флакончик грош,
Не Versace тебе не нужны, ни nivea map —
Был бы ватничек в зиму, да пара в шкафу галош.
Так, на всякий пожарный, лежали худым взамен.

Красотища, да только вот, что мне таить греха —
На край света умчись, во глубины других планет,
Но и там будет нужно усердно грунты пахать.
Хорошо, как известно где нас, и в помине нет.

На небе

Когда-нибудь на небе загрузив,
Соскучившись по жизненным порокам,
Я сколочу веселый коллектив
И дам большой концерт земного рока.

Ударными взьерошу рай и ад
И, выдавив гитарой сольник лучший,
Пускай всего на миг верну назад
Ушедшие в века тела и души.

На музыку и шум из тьмы глухой
Придут и отождут на всю катушку
С восставшими из ада Юра Хой
И Витя, сжав ладонь, споёт «Кукушку».

Кобейн примчится струнами звеня,
Добавив ощущений звуком острых,
Который раз порадовал меня,
Как делал это в давних девяностых.

Тоска пройдёт и канет в лету грусть,
Когда-то знаю быть тому, поверьте.
Нет жизни после смерти, ну и пусть,
Ведь главное – нет смерти после смерти.

Мое счастье

Моё счастье имеет обыденный тип строения —
Неказисто на вид, если бегло окинуть взглядом
И всегда, а не часто зависит от настроения
Тех, кто может быть счастлив шагая со мною рядом,

Не имеет размеров охвата своей окружности —
С ним при сборке не могут возникнуть большие сложности...
Моё счастье надёжно скрепляет фундамент нужности
И не битой на части обычной любить возможности.

Не из сказок оно, не из снов, не мечтами мнимое,
Не такое, каким за меня и кому-то кажется...
Моё счастье одним только мной и во мне хранимое,
Оно здесь и сейчас и ни с чем остальным не вяжется.

Не зависит от веяний моды, воды течения
В нём, как будто с завода, есть номер вин-код и серия.
Моё счастье, как впрочем и в целом его значение,
Состоит из того, во что искренне свято верю я.

Иголка

Сено лежит скирдами —
Не отыскать иголку.
В том, что придет с годами,
Будет не много толку.

Время составит смету,
Выкатит счёт к оплате,
Да в голове просвета,
Чтоб оплатить не хватит.

Выползет ум наружу,
Мудрости слыша шёпот,
Тот, что вчера был нужен,
Не пригодится опыт.

Ложкой не став к обеду,
В жажду воды глотками,
Мягким на камне пледом,
Искрой блеснёт и канет.

Пепел падет от вспышек
Ясным на всё ответом —
Меньше не станет шишек,
Ломаных дров и веток.

Жизнь пролетит со спешкой,
Память узоры вышьет.
Глянешь вокруг с усмешкой —
Всякий иголку ищет.

Между

Мыслей бесполезное мерцание,
Ложное реалий восприятие
Между горькой правды отрицанием
И её смиренного принятия.

Жёсткой не удобной, сердце колющей,
Патовой, как акт самосожжения,
Волком изнутри в бессилии воющей,
Полное сулящей поражение.

Взглядов твердь и жизнь саму меняющей,
Ломящейся в дверь, как гость непрошенный,
Скорой, словно поезд догоняющий,
Труп на рельсах, заживо подкошенный.

Замерший с гримасой восклицания,
От частей души в себе изъятия
Между горькой правды отрицанием
И её смиренного принятия.

Табачок

Что ты приуныл, старичок?
Не молчи, давай говорить,
Вынь из закровов табачок,
Будем толковать и курить.

У меня в кармане дыра —
От железных вышла монет.
Всё с тобой скурили вчера,
Даже на поюх больше нет.

Как? И у тебя нет? Да брось,
И за что так взглядом коришь?
Ныне табачок будет врозь?
Вон как ты теперь говоришь...

Жмёшь, гляжу, кiset от растрат,
Злобу за душой затаил,
И теперь не друг мне, не брат —
Курим, дескать, каждый свои.

Что тут и поделать? Беда...
Будто сон дурной наяву...
Ладно, не гори от стыда —
Здоровей часок поживу.

И не унывай, старичок,
За нутро не буду журить.
В общем заходи, если чё,
Будет туго... дам закурить.

Смотрит старик в окно

Стерто до дыр сукно,
Стоптаны тапки в пыль...
Смотрит старик в окно,
Крепко держа костыль.

Видит в окне июль,
Роет окопы взвод —
Визг ошалевших пуль
И сорок третий год.

Госпиталь, плен, барак,
Павший под вечер труп,
Сечки пустой черпак
За непосильный труд,

Скрежет ворот, звонок,
В рельсы колесный стук,
Как не узнал сынок
Батю, увидев вдруг.

Стол, за победу тост,
Ласковый взгляд жены,
Полный родных погост,
Стройку большой страны...

В поле степной ковыль,
В речке прозрачной дно...
Стоптаны тапки в пыль —
Смотрит старик в окно.

Ничего нигде не жди!

Если б мама с папой в детстве,
Как индейские вожди,
Говорили: – «Парень, действуй!
Ничего нигде не жди!»

Я бы в жизни ныне взрослой
Бледнолицых побеждал
Только тем, что всюду просто
Ничего от них не ждал,

Не доказывал им дружбы,
Сплошь в замен ответной ждя,
И считал бы мало нужным
С убежденностью вождя.

Ждать того, что вечно губит
И способно побуждать,
Тех кто точно не полюбит,
Для чего-то тоже ждать

И страдать, как можем все мы,
Я не стал бы, будь вождем,
Наполняясь от проблемы,
Будто лужа под дождём.

Только мама не индейка,
Да и папа был не вождь...
Всё что есть – судьба злодейка
И надежд муссонный дождь.

К яру через луг

К яру через луг по росе
Мчал сквозь жизнь мальчишка босой.
Отдышаться было присел,
А к нему старуха с косой.

Собирайся – молвит – пора,
На раздумья время не трать,
Стар уж стал, как древа кора,
Знать настал черёд помирать.

Он ей отвечал – не спеши
Торопить в сырую погоду.
Ты всего лишь смерть, а решит
Пусть за нас обоих господь.

Дай поговорить, не дури,
Постоит в сторонке коса.
Смерть ему – ну что ж говори.
И взмолился он в небеса.

– Боже! я всего лишь устал.
Отдышусь и вскачь хоть сейчас.
Вот те крест, ещё не настал
Не последний день мой ни час.

Разум светел, мощи крепки,
Ходят ноги, видят глаза.
Смилуйся годам вопреки,
Отзови старуху назад,

Отведи хребет от косы,
Дел угодных вспомни почёт,
Не забудь, у речки часы
Говорят – рыбалка не в счёт.

Да пускай сегодня пустым
Уплывает в лету паром.
Сжался надо мной, отпусти...
И раздался голос, как гром

– Ты б перечить смерти не стал.
Если уж пришла, то пришла,
Я давно грехи подсчитал
И до грамма взвесил дела.

Где силен был знаю, где слаб.

И не важно стар ли юнец,
Вот возьмём одних только баб —
Что тут и сказать – молодееец!

Все твои рыбацкие дни
Те, что даже трудно и счесть,
С гаком перекрыли они,
Жаль, но мне пришлось их учесть.

И теперь ты должен понять,
Что пожить подольше бы смог —
День и ночь молясь на меня,
А не красоту между ног.

– Грешен, всё как есть сознаю —
Говорил он Богу в ответ.
– Только вот без них и в раю
Стал бы мне не мил белый свет.

Без телес нежнейших, как шелк
И утех в кромешном бреду,
В коих много сласти нашёл
Я б сгорел при жизни в аду.

И не стал бы вовсе дышать,
Глядя на икон образа,
На корню бы сдохла душа
Да потухли тут же глаза.

Захирел бы, сгнил до кости
Без своей греховной любви.
Если сможешь, Боже, прости.
Бог смеясь, ну ладно – Живи!

Что стоишь костлявая? Прочь!
Иль на ухо стала туга?
Уходи, башку не морочь,
Сгинь ко всем чертям на рога.

Ясно же сказал сам Творец
Слышала как гром наяву?
Пусть и ради женских телес,
А ещё чуток поживу.

– Не глуха – ответила смерть —
Слух не голоса, не тугой.
Всё, что сам услышал – не твердь.
В общем план у Бога другой.

Сделать так, чтоб век не присел —
Что есть сил взмахнула косой...
К яру через луг по росе
В жизнь вбежал мальчишка босой.

Я боюсь оставаться один

Время мозгом играет шутя,
И, дожив до глубоких седин,
Я, как малое сердцем дитя,
Вновь боюсь оставаться один.

Понимая, что это смешно,
От чего-то, как впредь не смеюсь
И не плачу, лишь разве что но
Очень многого снова боюсь.

Я боюсь опостылевших чувств
И звенящей внутри пустоты,
Что когда-то едва научусь
В иллюзорные верить мечты,

Возгораться и в высь воспарять,
Ощувив свою душу на дне,
И безумно боюсь потерять
Всё, что истинно дорого мне.

Перемен, словно бреда боюсь
И последствий не тех, как огня.
Впрочем, тут-же, себе сознаюсь,
Что боюсь ни чего не менять.

То ли время играет шутя?
То ли мудрость дана от седин?
Только я всё сильней, как дитя,
Вновь боюсь оставаться один.

Полюби себя самого

Полюби себя самого,
Да ни как тот дурной самогон,
Что воняет, но стоит дешёво
И ты лишь потому и пьёшь его,

Что не можешь себе стать близким,
Как элитный Шотландский виски,
Вкус не пробовал впредь которого.
Делай то, что тебе лишь дорого,

А ни то, что кому-то хочется.
Превращай свою жизнь в творчество
И твори её сам, без помощи
Тех, кто круглым стал в гору овощем

И, скатившись в твоё течение,
Принижает всего значение,
Но себя ощущает выгодно.
Даже слово забудь «безвыходно»,

Находи средь извилин лаз,
Бей не в бровь правой, а в глаз.
Будь внутри и поверх наряден,
От неправды, кого-то ради,

Открестись, как от тёмной силы.
Не козни, возвышаясь, милуй
И, чтоб что-то любить в другом —
Полюби себя самого.

Заблудился, как в тумане я

Жизни путь шагами меряя,
Заблудился, как в тумане я
В лабиринтах недоверия
И вещей непонимания.

Впредь спасала интуиция,
Что была безукоризненна,
А теперь моя позиция,
Как и жизнь сама, безжизненна.

На глазах прозрением стертая
Растворила мир в прострации —
Под ногами зыбь не твёрдая,
Гео, мать её, локации.

Полон мозг сомнений дырами,
На распутье камень знаковый,
Да пророчат ориентиры мне
Выход всюду одинаковый.

Ложью в доски заколоченный,
Как на свете доля лучшая,
Над погостом у обочины
Средь бурьяна равнодушия,

По всего пути окружности
Осуждением припорошенный
И в забвение от ненужности
Будто камень в воду брошенный.

Тараканы

Что каждому из нас, в порядке частном,
Счастливыми на свете быть мешает?
Тревожит что и делает несчастным?
На полной грудью вздохе удушая,

Склоняет кровоточить сердце раной?
Бьет оземь тех, кто был под небесами?
Ответ весьма банален, как ни странно —
Всем горестям виной и есть мы сами!

Ни те, кто нас не любит и не ценит,
Расставив всюду множество капканов,
Но собственных ошибок неврастеник
Плодит вокруг холёных тараканов,

Тарантулов чудовищных и слизней,
Съедающих в сознании волю драться
За тем, чтоб, ковыряясь в чьей-то жизни,
Мы с собственной боялись разобраться

И больше полноценными не стали,
Загвоздок и проблем внутри не чая
За всё, что худо в нас, других хлестали,
Ответственность, как лампу отключая,

Без вкуса, дабы жить и через силу,
К своей судьбе во многом безучастно
Для тех, с кем рядом жизнь невыносима
В порядке беспорядочно несчастном.

Выход

Ни от счастья паришь, ни от горя в пике —
Голова, будто битая ступа.
Так бывает – стоишь без мозгов в тупике
И о чём-то не думаешь тупо.

Просто куришь о том, что не скажешь, молчишь,
Компромиссов не ищешь и выгод,
В одночасье поняв, что тупик это лишь
Ни всего окончание, а выход.

Большее видится на расстоянии

Большее видится на расстоянии —
Не рассмотреть в упор.
Люди – не северное сияние
И не вершины гор.

Как и не в маках луга альпийские
И не восход луны,
Так, зачастую, и взору близкие,
Рядом едва видны.

Свойственно людям лишь грезить издали
И доверять мечтам.
Так повелось на роду их издавна
Думать, что где-то там

Жемчуг не мелок, на пышной скатерти,
Щи ни, как здесь пусты,
Нет ни сумы, ни тюрьмы, ни паперти,
А за верстой версты.

Ждут своё счастье люди странные,
Ищут чудес одних.
Бредят другими людьми и странами.
Им невдомек, что в них

Больше, чем северное сияние,
Выше макушек гор
Что-то заметное на расстоянии,
И не всегда в упор.

Восточный календарь

Мелькают дни. О стрелок ход песочный
Луну сменяет солнечный фонарь.
Идёт за годом год через восточный,
Придуманный не нами, календарь.

Одним сулят добро, другим потери.
В обличии животном божества.
И мы во что угодно слепо верим
В преддверии святого Рождества.

В астральность бытия и талисманы,
И в то, что каждый сам себе пророк,
Желающий вкусить небесной манны,
А впрок, так это тоже не порок.

Всего должно в достатке быть и много.
А знаки – просто шалость, черт возьми,
Забвение от сложной веры в Бога,
И очень трудной доли быть людьми.

Просил юродивый ума

Просил юродивый ума
И здоровья немного,
Любуясь храмом сквозь туман
В обличии убогом.

Ни дай мне, Боже, прочих злат,
Излишеств для желудка,
Не нужно каменных палат,
Лишь светлого рассудка.

Туман рассеял солнца луч,
И, как того хотел он,
В башке исчезли сотни туч
И тут же посветлело.

Но всё что виделось вокруг
Несло печать подвоха —
Ни тем, что нужно стало вдруг
И сотворённым плохо,

Не тот по улицам народ
Ходил, что видел раньше,
Бедняк не тот, богач не тот
И всюду много фальши.

Святой не свят казался сплошь,
Большой паркуя крузер
И в целом всё обман и ложь,
А он – обычный лузер.

Он вновь взмолился в неба синь —
Верни меня обратно,
Собой не быть нет больше сил
И повторял стократно.

Что жизнь не сахар и ни мёд,
Когда ума палата —
То хрен большой, то череп жмёт,
То майка маловата.

Я бросил

Я больше скверных слов не говорю,
К стакану не тянусь и папиросе.
Всё кончено, не пью и не курю —
Я бросил.

Нет больше сумасшествия идей
И строк про душу, режущую осень,
Случайных встреч шалманов и бл*дей —
Всё бросил.

Я к недругам от злости не киплю
И тех, кто улыбаясь маски носит,
Теперь не ненавижу, не люблю —
Ведь бросил.

На всё, что ни по сердцу не гляжу,
Бесчувственен, как камень и бездумен.
В покое и безмолвии лежу —
Я умер.

Старик в песочнице

С изумленным лицом, от своих же неведомых дел,
У песочницы детской старик седовласый сидел,
Отрешённый от мира, как будто ушедший в астрал,
Что-то строил, ломал, словом занят был тем, что играл.

Улыбался и злился чуть, что выходило не так,
Рисовал на песке, словно видел фактуру холста,
Нервно бороду щупал, мечтательно трогал висок,
Но не мог доиграть – рассыпался зыбучий песок.

Не давались песчинки, и он начинал строить вновь,
Отдавая себя самого и вдыхая любовь
В каждый крохотный миг, сотворённый старанием рук.
И слышал старик позади себя шорохи вдруг,

Обернулся и видит, что рядом стоит его сын.
– Ну, иди, помогай, не справляюсь, чего ты застыл?
– Пап, да всё бесполезно, прости, но реальность жестка,
Потому, что ты создал и мир и людей из песка.

У провинциального вокзала

Под раскат гудков и стук колёс
У провинциального вокзала,
Спящему в кустах, бродяге нос
Шавка беспризорная лизала.

Уходило солнце за состав,
Становясь краснее семафора,
Чуть зевая, видимо устав,
Рупор объявил транзитный скорый.

За вагоном в даль бежал вагон,
Вереницей строчек по бумаге,
То ли снился дивный сладкий сон,
Бегло улыбавшийся в бродяге,

То ли влажный щекот языка,
Губы вверх заставил шевелиться —
Трудно разгадать наверняка,
Что ему тогда могло присниться.

Опускалась ночь, пустел вокзал,
Свежий ветер ринулся в атаку —
Он слегка замёрз, открыл глаза,
Глянул на бездомную собаку,

Распахнул ладони, что есть сил,
Подозвав к себе и, будто в сердце,
Шавку одинокую впустил
От полночной зябкости согреться.

Обнял, как любимое дитя,
Пыльной шерсти ворох разутюжил,
И спросил, улыбочиво, шутя —
Может быть со мной в ларёк на ужин?

Указав рукой короткий путь,
Встал, в карманах мелочи нашарил,
Пригубил оставшейся чуть-чуть —
Как тебя там? Жучка или Шарик?

Шавка что-то гавкнула в ответ,
Слушая торчащими ушами,
И пошла за ним из тьмы на свет,
Пахнувший большими беляшами.

Где-то далеко шумел состав.

Вкусности поделены на части.
Быть одним на свете перестав,
Человек обрёл собачье счастье.

По понятиям

Я б у тех, кто понял жизнь, как понять её
Разузнал детали все в мелочах,
Про людские и другие понятия,
И нашёл, быть может, смысл в речах,

Не хромающего вспять здравомыслия,
Не идущих слов с делами в разрез,
Чтоб увидеть всё, как есть, не двусмысленно,
Разночтений искажающих без,

И наигранного выгодой мнения
Кэшем мереного против и за,
А пока в обратном нет и сомнения,
Потому, что есть чутьё и глаза,

На спектакль комедийный смотрящие,
И другие без купюр номера,
В коих комерсы на рынке стоящие,
На кичман попав, кричат мИ вора,

Да к хозяину заходят с поклонами,
Под себя трактуя всякий закон,
Обколотившись куполами, иконами.
Будто чище став от сини икон,

Проживают свою жизнь по понятиям,
Утонув в несущих святость речах,
Помогая всем заблудшим понять её,
Но спалившись на простых мелочах

Думай об этом чаще

Каюсь, я был причастен
К многим своим несчастьям
И ошибался часто
В тех, с кем делился счастьем.

В ложной любви качался
Мальчиком на батуте.
Поезд тот час умчался,
Счастьем сказал не шутят.

Не раздают на части
Ради правдивой лести,
Проданной в одночасье,
Вместе с остатком чести.

Счастье должно быть частным
И оставаться прочным.
Ты им кичился часто,
Сделав его порочным.

Как новый день обычным,
Как заведение злачным,
Как целый мир привычным,
Серым и однозначным.

Поезд промчался чайкой
Через поля и чащи,
И, напоследок гаркнул —
Думай об этом чаще.

Состояние души

Состояние души – не дыши,
просто счастьем наслаждайся в тиши.
Все тревоги на корню задуши
и о том, что ощущаешь – пиши.

Всё когда-нибудь проходит, спеши
Рассказать, как жизни дни хороши.
Злость попыток всё испортить лиши.
Лишь добром в себе пожары туши.

Будь самим собой, дурачься, смехи.
Сладок грех – не сомневайся, грехи,
все задачи пред собою реши.
И что хочешь совершить – соверши.

Ради цели неустанно паши,
заработанным куском не кроши
Зря руками в суете не маши,
Стойкость духа сохраняй и души.!!!

Серый человек

Где-то в городе обычном
Проживал свой серый век
В сером простеньком обличьи
Серый, с виду, человек.

Вне имущих власти сферы,
Вне замашек и манер,
И служить себя примером
Не пытался, так, как сер.

Утром серым на работу
В сером он шагал плаще,
Пиво с Серым пил в субботу,
Раков кушал и лещей.

За Сатурном и Венерой,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.